

**Мария Михайловна Одинцова
(1921–1991):
у истоков сибирской
палинологии**

На Благовещение, 7 апреля 1921 года, в семействе Одинцовых родился младенец женского пола весом 1 килограмм 800 грамм. Родители, боясь, как бы дитя не отошло в мир иной без Божьего благословения, кинулись его крестить. Девочку назвали Марией... Она не только выжила, проявив характер с рождения, но и крепко встала на ноги в своей жизни, как и вся стойкая семья Одинцовых, о которой следует сказать особо.

Отец Марии Михайловны – *Михаил Васильевич Одинцов* (1879–1965), кандидат богословия, профессор – родился в селе Усолье Иркутской губернии в семье конторского служащего солеваренного завода. С детства отличался умственными дарованиями, обладал на редкость цепкой памятью и способностями к языкам.

После окончания Иркутского духовного училища Михаил Васильевич поступил в духовную семинарию, которую окончил за казенный счет в 1900 году. Но и на этом не остановился, поступив на историческое отделение Московской духовной академии, закончив ее в 1904 году, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Сёрен Кьеркегор как философ и религиозный мыслитель».

Способный выпускник вначале был даже оставлен при Академии для подготовки к профессорскому званию, но затем направлен в Иркутск на должность преподавателя богословия (основного, догматического и нравственного) в родную Иркутскую духовную семинарию.

В 1904–1917 годах Михаил Васильевич преподавал в alma mater не только богословские и философские дисциплины, но также древнееврейский и французский языки, историю и математику. В тот же период он учительствовал в женской гимназии Григорьевой и в Иркутском учительском институте, где в 1912 году успешно защитил магистерскую диссертацию по педагогике.

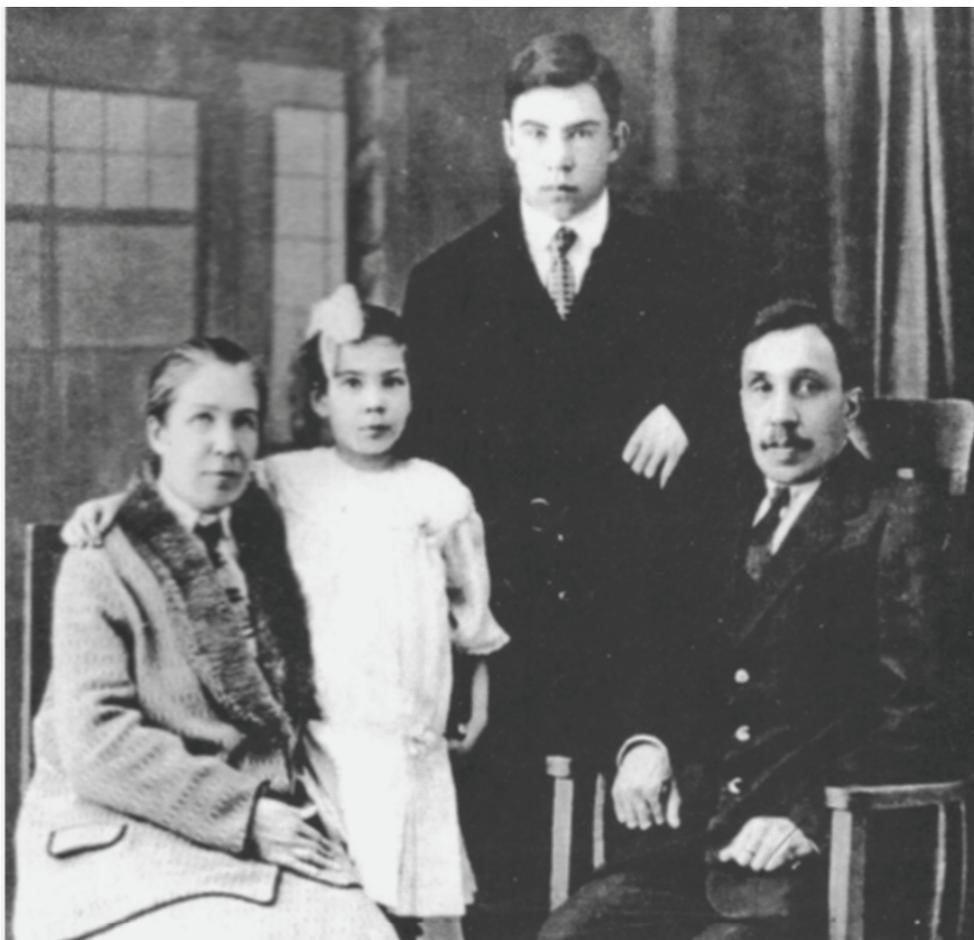

Переломный 1917 год Михаил Васильевич встретил в должности редактора неофициальной части «Иркутских епархиальных ведомостей». Видный церковный активист Михаил Васильевич был избран от мирян на Поместный церковный собор, восстановивший Патриаршество.

В 1918 Михаил Васильевич был приглашен на должность профессора кафедры логики и психологии в Иркутский университет, где работал с 1918 по 1938 и с 1943 по 1956 годы, а в 1926–1929 годах был деканом педагогического факультета.

Активная церковная позиция М.В. Одинцова не была «забыта» советскими властями. Несмотря на его попытки предстать в их глазах правоверным марксистом-ленинцем, в частности выступая публично против извращений марксизма-ленинизма в педагогике, в 1938 году М.В. Одинцов был арестован органами НКВД по обвинению в антисоветской деятельности и приговорен к административной ссылке, которую отбывал с 1940 по 1943 год в Чкаловской области. Находясь в опале, Михаил Васильевич работал преподавателем пединститута.

После отбытия наказания М.В. Одинцов с 1943 по 1946 год заведовал кафедрой педагогики,

Семья Одинцовых, 1928 г.

логики и психологии Иркутского университета. В 1946-м кафедра была переименована в кафедру педагогики, которой он заведовал до 1955 года. Одновременно М.В. Одинцов преподавал и в Иркутском пединституте.

В 1949 году ему было присвоено звание профессора педагогики, логики и психологии по совокупности опубликованных работ. С 1956 года Михаил Васильевич работал профессором кафедры философии Иркутского университета. В 1957 году он вышел на пенсию и на досуге занимался разработкой проблем диалектической и формальной логики.

Мать Марии Михайловны – *Мария Константиновна Одинцова* (1884–1972) – была дочерью видного общественного деятеля Иркутска К.П. Турицына.

Благодаря своему упорству и целеустремленности М.К. Одинцова смогла получить хорошее для своего времени образование. В 1902 году окончила с золотой медалью Иркутскую жен-

скую гимназию. Для продолжения учебы поступила на только что открывшиеся Высшие женские Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге.

В 1904 году за участие в студенческих волнениях Мария Константиновна была исключена из числа слушательниц Бестужевских курсов и выслана на родину в Иркутск. Вернувшись в Иркутск, она приняла активное участие в социал-демократическом движении, поддерживая конспиративные связи с петербургскими организациями.

9 января 1905 года Мария Константиновна стала свидетельницей расстрела демонстрации рабочих на Дворцовой площади, оказавшего глубокое влияние на ее политическую деятельность, принимавшую все более активный характер.

1 января 1906 года за участие в социал-демократическом движении М.К. Одинцова была арестована и заключена в тюрьму. После освобождения она добилась восстановления в правах слушательницы Высших женских курсов, которые успешно окончила в 1908 году, специализировавшись по русской истории и литературе.

В 1908–1924 годах Мария Константиновна преподавала историю в гимназиях Иркутска, а затем в школе 2-й ступени.

С 1924 по 1952 годы она вела курсы истории и литературы в Иркутском университете. Стала доцентом кафедры истории СССР исторического факультета. Позднее она возглавила исторический отдел Иркутского краеведческого музея, а в предпенсионные годы трудилась в научной библиотеке университета.

Старший сын четы Одинцовых – *Михаил Михайлович Одинцов* (1911–1980) – стал известным геологом и по праву относится к числу крупных ученых, педагогов и организаторов науки в нашей стране, знатоков геологии и полезных ископаемых Восточной Сибири. С 1945 года он работал в Иркутском университете, где сначала заведовал кафедрой исторической геологии, а затем стал деканом геологического факультета. В 1954–1976 годах был директором Института геологии Восточно-Сибирского филиала АН СССР (ныне – Институт земной коры СО РАН). В 1964 году его избрали членом-корреспондентом АН СССР.

* * *

Сама *Мария Михайловна Одинцова* – тоже человек незаурядной судьбы, как и ее родители – пример упорства, борьбы и большой духовной силы.

В 1938 году она заканчивает иркутскую среднюю школу № 11, в 1943-м – Иркутский университет, где получила не только квалификацию ботаника, но и красный диплом.

Работать Мария Михайловна начала рано. С 1942 года трудилась лаборантом в Медицинском институте. В военное лихолетье – старшим коллектором Трошковской тематической партии треста «Сибгеолнеруд».

В 1944 году Мария Михайловна начала работать с профессором В.Д. Принадой и с этого момента твердо решила связать свою деятельность с палеонтологией. Работы проводились по теме «Мезозойская флора Восточной Сибири и Забайкалья». Были собраны большие коллекции флоры из Черемховского угольного бассейна и Забайкалья, послужившие основой для будущей монографии В.Д. Принады.

А весной 1946 года она была назначена младшим геологом по составлению XVIII тома «Геологии СССР».

В 1947 году Мария Михайловна переведена на должность старшего геолога Чульманской по-

исково-съемочной партии Алданской экспедиции. До 1950 года она работала в Куйтунской геологосъемочной партии, в Тунгусской партии Амакинской экспедиции. Одновременно с работой в съемочных партиях Мария Михайловна занималась определением флоры изучаемых территорий – алданской юры, Черемховского и Тунгусского бассейнов. За перечислением работ в этих партиях стоит огромный труд Марии Михайловны, ею проделаны сотни маршрутов, оставлены глубокие следы на геологических картах и тропах в бассейнах рек Ангары, Нижней Тунгуски, Лены, Вилюя, Анабара, Оленька, Енисея и многих других. Трудно назвать регионы Восточной Сибири, куда бы не ступала ее нога.

В 1951 году состоялась ее судьбоносная встреча во ВСЕГЕИ в Ленинграде с Ириной Митрофановной Покровской, всемирно известным палинологом. С тех пор Мария Михайловна была покорена волшебным миром палинологии. Она в совершенстве овладела этим методом, который применяла не только для мезозойского, но и палеозойского времени.

Мария Михайловна прекрасно знала морскую юрскую фауну, которую в большом количестве собирала в юрских отложениях Якутской алмазодобывающей провинции. В Институте земной коры СО РАН хранится ее замечательная коллекция, ожидающая своих исследователей, которые смогли бы посвятить свою научную жизнь раскрытию тайн мезозойских морей.

В институт Мария Михайловна пришла в 1962 году, в лабораторию доктора геолого-минералогических наук С.Ф. Павлова. Здесь она защитила кандидатскую диссертацию, посвященную стратиграфии и палинологической характеристике верхнетриасовых и нижнеюрских континентальных отложений Сибирской платформы.

Под ее крыло были собраны палинологи, которые занимались отложениями позднего палеозоя и мезозоя, раннего и позднего кайнозоя, а также диатомисты и малакофаунисты, занимавшиеся четвертичными отложениями. Всем нам, ее коллегам, она была как мать. Мы звали ее с любовью – Мама Мура. Она знала это, но не сердилась. В детстве родители называли ее Мурочкой. Она была незаменимым руководителем, с энциклопедическим складом ума, знала три языка, была чутким и все понимающим другом. Писала ироничные и сатирические стихи и в них выплескивала свои эмоции. В полевых работах – это отважный, мужественный и бескорыстный товарищ. Когда была рядом наша Мама Мура,

Мария Михайловна в кабинете-музее М.М. Одинцова, 1981 г.

нам был не страшен черт. А ситуации в полевых условиях были разными. Интеллигентность Марии Михайловны заставляла нас быть лучше, собранней. Она была представительницей той интеллигенции, которой уже нет.

Мария Михайловна никогда, ни в какой ситуации не злилась. Если она говорила будничным голосом: «Я такая злая», это значило, что у Марии Михайловны было что-то не так. В быту она была не требовательна, этому ее научили военные годы и, конечно, воспитание.

Мария Михайловна была очень деликатным человеком, но сама была очень ранима. Помню случай, когда она пришла с ученого совета мрачнее тучи и сказала, что ей деликатно дали понять – пора уходить. Я поинтересовалась, что произошло. Она рассказала, что когда зашла в зал, кто-то воскликнул «О, Мадам Куча Мусора

пришла!». Несмотря на драматизм ситуации, я рассмеялась и сказала, что ей отвесили шикарный комплемент. Дело в том, что в то время шел кукольный сериал «Скала фреглов», а поскольку у меня были маленькие дети, то я была в курсе событий этого сериала. Это человечки типа гномов, которые жили вблизи человеческого жилья, а на задворках этого жилья был свален мусор. Но человечки боготворили эту кучу, она была для них как божество. Называли они ее Мадам Куча Мусора, так как у нее они могли получить ответ на любой вопрос. Она могла разрешить любую ситуацию для них, поскольку была мудра. Они приходили к ней для утешения, поскольку она была добра, вообще она для этого народа была своеобразным психологом, говоря современным языком. После моего объяснения Мария Михайловна выдохнула свои сомнения.

Имя Марии Михайловны Одинцовой входит в плеяду классиков отечественной палеоботаники и палеопалинологии. Она работала с такими корифеями науки как А.Н. Криштофович, И.М. Покровская, В.Д. Принада, Е.Д. Заклинская, В.С. Малявкина и другие, не менее известные ее коллеги. Ученики Марии Михайловны увековечили имя своего учителя в анналах науки – ее именем назван таксон из группы позднепалеозойских мегаспор из Якутской алмазоносной провинции – *Tungusosporites odintsovae* Mashch., а также среднеюрский папоротник *Cladophlebis odintsovae* Frolov et Mashch. из отложений черемховской свиты.

Ее трудолюбие, спокойствие, выносливость, наблюдательность и острый ум служат нам вдохновляющим примером. Ее многочисленные публикации – это столбовая дорога для опытных и начинающих специалистов. Где бы наша Мама Мура ни прокладывала свои тропы, она пробиралась как волшебница с молотком и микроскопом в невообразимых дебрях и чащобах растительного мира, в алмазных долинах и бассейнах верхнего палеозоя, мезозоя и кайнозоя по пути к кимберлитовым трубкам. Такие люди, как Мария Михайловна Одинцова, это золотой фонд отечественной науки.

И.М. Мащук (Институт земной коры СО РАН, Иркутск)

Из стихотворных опытов М.М. Одинцовой

Посвящается добрым друзьям

Сидела спокойно старая миоспора,
Над палинологией трудилась упорно.
Честолюбие ее не мучило,
Но была она невезучая.

Прочитали раз миоспоре нотацию:
«Пора защищать диссертацию,
Дабы снискать Институту овацию».

Согласно мнению признанных умников,
Поднять степень остепененности сотрудников
Важнее, чем найти поле для рудников,

Чтоб открыть серию межлабораторных балов,
Под победный звон цимбалов
Побить рекорд в соревновании баллов.

Необходим всеобщий научный рост.
Однако вопрос о росте не прост.
Для миоспоры рост – это мост.

Для смены гаплоидной и диплоидной фаз.
Тут уж не до красивых фраз.
Прорасти миоспора может только раз!

После роста останется пустая оболочка –
Выбросить ее можно без проволочки
И сохранится в Земле столько оболочек!

Размечталась старая миоспора:
Диссертация будет мне опорой,
Сразу же я от умников уйду,

Тут же свободу творчеству найду,
Для престижности сменю квартиру
И докажу свою ученость миру!

Ждет меня в жизни нега,
Из мио- я стану мега-,
Узнают меня Сириус и Вега!

Решила она: «До снега,
Чтобы не заморозить побега,
Выращу заросток диссертацию
И помчусь на апробацию!

Целое лето миоспора старалась.
Когда ж защищать собралась,
Изменилась вдруг ситуация:

Слишком много пошло диссертаций,
Бюджет от них уже трещит,
А каждый сноб еще тащит!

Почти год миоспора отвлекалась,
Наконец, с такой мыслью свыкалась:
Не вышла я в кандидаты рылом,

Не лезть же в них с мылом!
Напишу-ка я лучше книгу
И войду в ученых лигу!

Нашлись у миоспоры друзья –
Без друзей в науке нельзя,
Уговорили они Ученый совет

Дать соискателю положительный ответ.
Назначена защита в конце года,
Казалось, закончились миоспоровы невзгоды.

Однако к миоспоровому удивлению
Настала пора невезения,
Как будто вмешалась Мафия –

Исчезла вся графика!
Внезапно отменялись полеты,
Авралы сменяли отчеты.

Пришлась диссертанту в темпе спортивном
Разослать реферат и друзьям, и противникам.
Отзывов собрался урожай богатый:

Прислали москвичи – целую палатой,
Не отстали коллеги из Киева и Ленинграда,
Отзывам сибиряков-земляков была миоспора рада!

Поразилась странности одной:
Промолчал лишь Институт родной.
«Зря не попросила отзывок для парада...».

Но оказалось миоспоре в награду,
Что знают ее лучше по литературе,
Чем по ее спорной натуре!

Защита прошла в лучших традициях спектакля,
Не отличаясь от канона, к счастью, ни капли:
В сверкающих латах неотразимо УЧЕНЕЙШИЙ СЕКРЕТАРЬ,
Маститые ЧЛЕНЫ СОВЕТА, почти в мантиях (как встарь),
Представительный, обворожительный ПРЕДСЕДАТЕЛЬ...
Но подвел миоспору азарт – предатель!

Сунулась миоспора в дискуссию,
Только развернулась,
В отрицательное время попала –
Как из Космоса вернулась!
Затем высокоученые Оппоненты
Отметили положительные моменты.

Благосклонно Члены Совета благословляли,
Замечали, заключали и проголосовали.

Диссертация защищена. Итак,
Если утвердит ВАК,
Миоспора проросла. Она уже не та.

Внутри у нее пустота.
Без внутреннего содержимого
Работой она одержима

И вместо отчета к Новому Году
Написала комическую Оду!!!

На заседании РМСК

Минувший год был славен тем,
Что из всех вечных тем,
Извлекли вопрос о Тоаре
(И об Аалене с ним в паре).

На РМСК поднялся страшный спор нерешенный до сих пор.
Премудрые морские звери собрались у открытой двери,
Повели великий бой с каротажною кривой.
Безголовые пелециподы Аалену пели оды,
А кривые окситомы принесли гипотез томы:

На Вилюе Тоар виляет,
А на Лене совсем исчезает.

Не встречает Тоар понимания.
Не обращает никто внимания,
Что Тоар все-таки наш –
Защищает его один каротаж.

Не дожил до старости Тоар – аммонит нанес удар.
Вдруг из дальних сфер донесся голос фораминифер –
Совсем Тоар одряхлел и к старости – потеплел.

Итог подвел высокий интеллектual Тончайший Белемнит –
Тоара никто и нигде не видал,
Зря он о себе много мнит.
Только его заря заалела, настала пора Аалена.

Тут все звери зашумели,
Враз уверенно запели:
Не дадим житья Тоару,
Ни молодую, ни стару!

Вот РМСК уже решил,
Погиб Тоар в расцвете сил!
Убрать его из схемы,
Его защитники все немые.

Однако немая, слепая Кривая,
Что зовется Каротажкой,
На милость нефти уповая,
Спасла Тоар от доли тяжкой.

Поманила она нефтяной мздой
Свернулась производственной уздой,
Дунула газом всем в нос –
И вновь открыт вопрос.

Идет дискуссия в ином уж вкусе!
Надвое сказали Белемниты
(Диалектики – поди, ты...).
Приматы моря – Аммониты
Не обошлись без волокиты,
А милейшие простейшие
Предложили решенье хитрейшее:
«Нужно быть понежнее,
Есть Тоар, но южнее».

Решил РМСК к апрелю
Принять решение каждому зверю,
Желательно окончательно...

P.S. Решение РМСК понятно, но согласие невероятно.
Однако, кабы не съели в один присест...
Credo, Domine, absurdum est.

Научные публикации М.М. Одинцовой

1953

Одинцова М.М. Спорово-пыльцевые комплексы верхнепалеозойских, нижнемезозойских и третичных отложений центральной части Сибирской платформы // Спорово-пыльцевая конференция. – Л.: Изд-во ВСЕГЕИ. – С. 17–20.

1960

Одинцова М.М., Смирнова О.К. Палинологические комплексы палеозойских и мезозойских осадков континентальных толщ Вилуйской синеклизы // Мат. по геол., стратигр. и мин. ресурсам Сибирской платформы. – Вып. 4. – С. 24–35.

1961

Одинцова М.М., Фанштейн Г.Х. О геологии и возрасте древних алмазоносных россыпей в бассейне р. М. Ботуобия // Алмазы Якутии. – М.: Росгеолтехиздат. – С. 151–165.

Одинцов М.М., Одинцова М.М., Баширов А.В. К геологии юрских отложений северо-запада Иркутского амфитеатра // Тр. Вост.-Сиб. геол. ин-та АН СССР. – Вып. 3. – С. 60–72.

1962

Одинцова М.М. Стратиграфия континентальных нижнеюрских отложений и проблемы алмазоносности раннемезозойских осадков центральной части Сибирской платформы // Материалы по геологии и полезным ископаемым Якут. АССР. – Вып. 9. – С. 3–26.

Одинцова М.М. Палеогеографические факторы россыпеобразования на границе позднекарбонového и раннепермского времени на Оленекско-Мархинском междуречье // Материалы по геологии и полезным ископаемым Якут. АССР. – Вып. 10. – С. 119–126.

Одинцова М.М., Смирнова О.К., Мазилев В.Н., Могулева Т.Т. Алмазоносность юрских отложений Приверхоянского прогиба // Материалы по геологии и полезным ископаемым Якут. АССР. – Вып. 10. – С. 126–134.

1963

Одинцова М.М. Материалы к корреляции разрезов юрских отложений центральной и северо-восточной части Сибирской платформы // Юрские отложения

южной и центральной части Сибирской платформы. – М.: Изд-во АН СССР. – С. 58–77.

1965

Одинцова М.М. Спорные вопросы геологии юрских отложений юга Восточной Сибири // Геология и геофизика. – № 8. – С. 138–147.

Одинцова М.М., Смирнова О.К. Об алмазоносности верхнепалеозойских и нижнемезозойских отложений Якутии // Геология россыпей. – М.: Наука. – С. 32–39.

Одинцова М.М., Гутова Л.Н., Табачникова И.П. Опыт составления карт распределения растительности на примере ранне- и среднеюрских эпох для территории Сибирской платформы // Матер. XI сессии ВПО. – Л.: ВСЕГЕИ. – С. 27–32.

1966

Одинцова М.М., Гутова Л.Н., Табачникова И.П. Значение палинологических данных для реконструкции распределения ранне- и позднеюрской растительности Сибирской платформы // К методике палинологических исследований. – Л.: Изд-во Мингеологии. – С. 128–139.

1967

Одинцова М.М. Палинологические комплексы нижнеюрских алмазоносных отложений центральной части Сибирской платформы и пути реконструкции ландшафтных особенностей времени их накопления // Тр. IX сес. ВПО. – Л.: Недра. – С. 153–165.

Одинцова М.М., Богдашова Л.И., Гутова Л.Н. Стратиграфия // Юрские континентальные отложения юга Сибирской платформы. – М.: Наука. – С. 19–119.

1969

Одинцова М.М. Состав растительного покрова центральной части Саяно-Вилуйского прогиба ранне- и среднеюрской эпох // Вопросы биостратиграфии и палеогеографии палеозоя, мезозоя и кайнозоя Сибирской платформы. – М.: Наука. – С. 97–104.

Одинцова М.М., Терехова В.С. О возрасте алмазоносных слоев южного склона Анабарской антеклизы // Вопросы биостратиграфии и палеогеографии палеозоя, мезозоя и кайнозоя Сибирской платформы. – М.: Наука. – С. 5–19.

1971

Одинцова М.М. История формирования позднепалеозойских, мезозойских и кайнозойских флор, как основа межрегиональной корреляции разрезов // Геология и геофизика Вост. Сибири. – Иркутск. – С. 99–103.

Одинцова М.М. Юрские отложения Иркутской области // Геологическая изученность СССР. Т. 24. – М.: Наука. – С. 18–28.

1974

Одинцова М.М. Палеогеография позднего триаса – основной эпохи россыпеобразования на Сибирской платформе // Геология и прогнозирование месторождений алмазов. – М.: Изд-во ЦНИГРИ. – С. 98–99.

1975

Одинцова М.М. Палеогеографические особенности позднего триаса и ранней юры Саяно-Виллюйского прогиба и Виллюйской синеклизы // Матер. по био-стратиграфии и палеогеографии Сибирской платформы и впадин Байкальской рифтовой зоны. – С. 16–23.

Одинцова М.М., Руквишников В.В., Шаталов В.И., Богдасова Л.И. Позднетриасовые отложения Юго-Западной Якутии. // Там же. – М.: Наука. – С. 50–64.

1976

Стругов А.С., Одинцова М.М. Угольные месторождения Канско-Ачинского бассейна // Разведка и охрана недр. – № 2. – С. 24–26.

1977

Одинцова М.М. Палинология раннего мезозоя Сибирской платформы. – Новосибирск: Наука. – 115 с.

1982

Анкудимова Л.А., Кабанова Г.М., Одинцова М.М., Шурыгин Б.Л. Стратиграфическая схема юры Иркутского угольного бассейна // Органический мир Восточной Сибири в фанерозое. – Новосибирск: Наука. – С. 30–43.

1985

Одинцова М.М., Лаценов В.А., Домьшев В.Т. Роль учения Одинцова М.М. в познании геологии и полезных ископаемых Восточной Сибири // Геология и полезные ископаемые Восточной Сибири. – Новосибирск. – С. 3–11.

1988

Мацук И.М., Одинцова М.М., Мишарина В.А. Применение растрового электронного микроскопа для изучения микро- и мегаспор, чешуй шишек голосеменных растений из верхнепалеозойских отложений Мало-Ботуобинского района // Тез. докл. XXXIII сес. ВПО. – Баку. – С. 41–43.

1990

Мацук И.М., Одинцова М.М., Мишарина В.А. Использование сканирующего микроскопа для изучения морфологии позднепалеозойских мегаспор и спорангиев // Тр. XXXIII сес. ВПО. – М.: Недра. – С. 242–249.

1991

Одинцова М.М., Кулагина Н.В. Переотложенные миоспоры в кайнозойских алмазосодержащих отложениях Сибирской платформы // Геология промежуточных коллекторов алмазов. Тез. докл. – Иркутск. – С. 34–36.